

ТЕАТР

ПРОДОЛЖАТЕЛИ
И ОТКРЫВАТЕЛИ

МЫ, журналисты, любим сравнивать. Когда встречаешься с каким-то новым явлением, сразу начинаешь думать: а с чем бы его сравнить?

Вот и сейчас, когда в Москве гастрوليрует Государственный академический театр имени Руставели, невольно ищешь сравнения. И... не находишь. Нет, непохож этот театр на другие. И, может быть, в том-то и заключается его прелесть? Ничего заимствованного! Все свое, исконное, органически присущее именно этому коллективу. И романтическая приподнятость чувств. И пренебрежение к бытовому правдоподобию.

К примеру, в комедии «Мачеха Саманишвили», действие которой происходит в XIX веке, все персонажи вышли в современных костюмах. Зато на сцене висели национальные уборы, черески, платя с грузинским орнаментом. Хотите знать, как одевались наши предки? Пожалуйста, любуйтесь. Но только пока не началось действие. А когда оно начнется, вам будет не до этого...

И действительно, закружилась, завертелась веселая кутерьма, и нам, зрителям, уже не до костюмов. Как джин из бутылки, вырвался на волю огненный темперамент Рамыза Чхиквадзе — он заиграл, запел, заплясал, закуролесил, и мы еле успевали переводить дыхание, восторженно ахать и вытирать слезы, выступающие от смеха.

И только потом, после спектакля, немного придя в себя, начинали отдавать себе отчет, с какой музыкальной четкостью и выразительностью организовали весь этот ералаш режиссеры Роберт Стуруа и Темур Чхеидзе.

В последующие дни я увидел «Кавказский

меловой круг» Б. Брехта, «Кваркваре» П. Какабадзе, «Премью» А. Гельмана в постановке Роберта Стуруа и понял, что этому молодому мастеру присуще стремление не только к ярчайшей театральной форме, но и к глубокой мысли, к постижению важных социальных проблем века.

Р. Стуруа — имя новое для московских театралов.

— Кого вы считаете своими учителями? — спросил я у режиссера.

— Михаила Туманишвили и Додо Антадзе. Стоит, пожалуй, напомнить. Додо Антадзе — ученик и ближайший помощник Котэ Марджанишвили, основателя Театра имени Руставели, да и всего современного грузинского театра. Михаил Туманишвили — ученик Г. Товстоногова, крупного мастера советской сцены. Вот чей «внук» Роберт Стуруа. Впрочем, столь солидное «родство» не мешает ему быть вполне самостоятельным и своеобразным художником.

Кстати, о внуках. Все мы чья-нибудь внуки. Но если продолжаем дело дедов, отцов, матерей, то говорят не просто «внук», а «продолжатель династии». Таких «продолжателей» в Театре имени Руставели немало. К примеру, Елена Чавчавадзе — дочь знаменитой артистки Тамары Чавчавадзе. Гурам Сагарадзе — сын Георгия Сагарадзе, за плечами которого полвека служения грузинской сцене...

Однако зрителям не столь важно, кто твои родители. Гораздо важнее, чего стоишь ты

сам. Это понимают «продолжатели». Гурам Сагарадзе, в частности, выступает с отцом «на равных». Равны они и по званию: оба народные артисты Грузии. По секрету мне сказали, что скоро в театре будет дебютировать Марина, дочь Гурама и внучка Георгия...

Но, повторяю, дело, конечно же, не в кровном родстве. Самое радостное и самое главное, что весь сегодняшний Театр имени Руставели — достойный продолжатель того театра, в котором творили замечательные режиссеры К. Марджанишвили, С. Ахметели и великие актеры — А. Хорава, А. Васадзе, С. Закариадзе. И не только продолжатель, но и открыватель новых театральных горизонтов.

...Вернемся, однако, к разговору с Робертом Стуруа. Я спросил:

— Как вы оцениваете нынешнее выступление театра в Москве?

— Нельзя забывать о традиционном московском гостеприимстве, — ответил режиссер. — Предстоит еще разобраться: что в аплодисментах от доброго желания не обидеть гостей, а что можно действительно считать нашим достижением...

Не правда ли, ответ осторожный и скромный? И хочется от души пожелать Роберту Стуруа: пусть он и впредь будет таким же осторожным и скромным в беседах с журналистами. А весь свой темперамент, всю фантазию и смелость отдаст будущим постановкам.

Б. ЕВСЕЕВ.